

В странной ситуации оказалось сегодня человечество. С одной стороны — ни один ученый не берет на себя ответственность заявить, что мы одиноки во Вселенной, а окружающий нас Космос — не более чем пустынное пастбище древних обезьян. С другой — нет ни одного вещественного доказательства того, что, кроме нас, во Вселенной есть еще кто-то живой. И вот совсем недавно в научном мире произошло сенсационное открытие, которое должно положить конец нашим сомнениям. Жизнь на других планетах есть! Более того, даже мы, хозяева Земли, на самом деле — гости с другой планеты. И это говорю не я, а ученые с мировыми именами.

Много лет наука утверждала — инопланетян не существует. Человек является венцом Вселенной, и любой ученый, рискнувший порассуждать на эту тему, автоматически попадал в разряд тех, у которых «не все дома». Но вот на орбиту были запущены первые орбитальные телескопы, и выяснилось невероятное.

Оказывается, нас окружают сотни, тысячи планет, на которых возможна жизнь... И если это утверждение уже научный факт, то — страшно представить — выходит, что инопланетяне действительно могут существовать. Надо сказать, что за инопланетянами человечество гоняется давно. Ищут ученые, ищут военные. И порой такие поиски приносят поистине сенсационные результаты.

Какова вероятность, что на недавно открытых экзопланетах так же, как и на Земле, существует жизнь? Что думает об этом официальная наука? Каковы альтернативные версии и гипотезы? Об этом книга, которую вы держите в руках. Это плод упорного труда творческих коллективов программ «Военная тайна», «Территория заблуждений» и «Самые шокирующие гипотезы». Надеюсь, вам будет интересно.

Игорь Прокопенко

Космическая предыстория

Основоположником космонавтики по праву считается наш соотечественник, великий ученый Константин Циолковский. Почти всю свою жизнь, которая прошла в провинциальных городках Боровске и Калуге, он слыл для окружающих чудаком. Циолковский и другие ученые всего мира начали мечтать о звездах, но не могли найти на это предприятие денег. Понятно, что лишь большие, сильные и богатые государства за счет своей казны могут себе позволить космические проекты. Но вот незадача: как правило, тратить деньги на проекты, не связанные с экономическим ростом или оружием, ни одно правительство не желает. Но один способ был — нужно было поработать на то, что любое государство охраняет как священную корову. А именно — на армию, на будущую войну...

Циолковский медленно угасал от рака желудка в Калуге, когда совсем молодой студент Берлинского университета Вернер фон Браун работал над диссертацией по ракетостроению и принимал активное участие в деятельности Общества космических путешествий (Verein für Raumschiffahrt). Его непосредственным учителем и объектом вдохновения был Герман Оберт, опубликовавший в 1923 году теоретический труд «Ракета для межпланетного пространства». Теория Оберта со всей силой немецкой логики доказывала, что космические путешествия технически достижи-

мы. Это были не мечтания Жюль Верна и Герберта Уэллса, а понимание законов аэродинамики. Из этого следовал вывод о том, что ракета на жидком топливе является оптимальным средством для будущей космонавтики. На основе работы Оберта молодые немецкие ученые-энтузиасты на рубеже 20–30-х годов осуществили смелые эксперименты с автомобилями, санями и железнодорожными платформами с установленными на них ракетными двигателями. А в самом начале 30-х годов Общество космических путешествий в окрестностях Берлина построило испытательный полигон для серии ракетных экспериментов – в них наряду с Рудольфом Небелем и Клаусом Риделем принял участие и молодой фон Браун. Испытания продолжились чуть позднее в бывшем складском комплексе в берлинском пригороде Рейникендорф.

Бетонные казармы, бункеры и укрытия, окруженные земляным валом в 12 метров высотой и 18 метров толщиной, были идеальным местом для испытаний. И вскоре ученые смогли гордиться, что могут запустить стреловидную ракету на высоту до 450 метров – серьезное для той поры достижение. Эти успехи вскоре привлекли внимание германской армии, которая рассматривала ракету как новую военную перспективу. Пораженная «веймарским комплексом», проигравшая в Первой мировой войне Германия цеплялась за любые возможности, сулившие ей перевооружение армии на новой технологической основе. Глава военной службы боеприпасов и баллистики полковник Карл Беккер, привлеченный успехами фон Брауна и его соратников, привлек их к разработке военных ракет. Куратором проекта стал капитан артиллерии Вальтер Дорнбергер. Теперь энтузиасты космических полетов находились под армейской крышей, подчиняя свои прежние представления о космических путешествиях практическим требованиям создать оружие. Прежняя цель оставалась личной мечтой.

Армейские испытания ракеты дальнего действия проводились с 1932 года в Кумменсдорфе, это в 100 км от Берлина. Такой летающий реактивный снаряд, оснащенный боеголовкой весом в 1 тонну, был бы способен поражать цель на расстоянии от 160 до 320 км. После серии неудачных испытаний в декабре 1932 года две ракеты «А-2», названные «Макс» и

«Мориц» (по имени двух героев мультипликационных фильмов), совершили полет на высоте около 2000 м с острова, расположенного в Северном море. После прихода к власти Адольфа Гитлера в 1933 году ракетная программа получила щедрую финансовую поддержку при жестком правительственном контроле и в обстановке строжайшей военной секретности.

А в 1937 году, спустя два года после смерти Циолковского, в нацистской Германии, руководители которой мнили себя будущими хозяевами мира, стартовала крупномасштабная ракетная программа. Для этого на балтийском побережье в Пенемюнде создаются конструкторское бюро и ракетный полигон под руководством теперь уже генерала Вальтера Дорнбергера. Ведущим специалистом в Пенемюнде стал дослужившийся до штурмбаннфюрера СС Вернер фон Браун.

Уже после войны Дорнбергер, будучи научным консультантом фирмы Bell Aircraft Corporation, оправдываясь за сотрудничество с нацистами, пафосно скажет: «Ни одно частное лицо или государственное учреждение не могло позволить себе трату миллионов марок на создание больших ракет, если это ограничивалось бы исключительно интересами чистой науки. Перед человечеством, согласным на любые затраты, была поставлена задача решить великую цель и сделать в этом отношении первый практический шаг. И мы открыли дверь в будущее...»

И снова на первом этапе немцев поджидали неудачи — ракета «А-3» длиной 6,7 м, снабженная кислородно-спиртовым двигателем с расчетной тягой 1450 кг, в декабре 1937 года не взлетела ни разу. Три попытки запуска закончились провалом — ракеты либо неожиданно взрывались,

*Один из основоположников
современной ракетной техники
Герман Оберт*

либо сваливались во вращение и разрушались. Дорнбергер понимал, что если так пойдет дальше, то Берлин просто закроет финансирование программы. Но в 1938 году модифицированная ракета «А-5» была успешно запущена, достигнув высоты 1 км. Программа была продолжена, и к началу Второй мировой войны команда фон Брауна приступила к работе над ракетой «А-4», которая позднее была названа «ФАУ-2» и стала прообразом космических ракет. Но в начале 40-х главной задачей «ФАУ-2» было поражение удаленных вражеских целей.

3 октября 1942 года «ФАУ-2» была успешно запущена, при этом высота полета достигла 80 км. В июле 1943 года Дорнбергер и фон Браун доложили Адольфу Гитлеру о новой ракете, показав фильм об эффектном октябрьском запуске. Однако ракета оставалась по-прежнему очень сложным механизмом, дорогим в производстве и непростым в управлении. Рейхсминистр вооружений и боеприпасов Альберт Шпеер с энтузиазмом отнесся к «ФАУ-2», но все же сомневался в ее полезности в условиях войны. Решающее слово оставалось за фюрером, и в конце концов Гитлер приказал начать производство ракеты.

Правда, 17 августа 1943 года англичане нанесли немецкому ракетному проекту серьезный удар, разбомбив Пенемюнде почти напроць. 597 тяжелых бомбардировщиков Avro Lancaster и Handley Page Halifax сбросили на полигон тысячи фугасных и зажигательных бомб. Немцам удалось сбить только 47 самолетов. В результате налета британской авиации погибли 735 человек, и среди них был главный конструктор ракетных двигателей доктор Вальтер Тиль. Заместитель командующего люфтваффе генерал-полковник Ешоннек, отвечавший за систему ПВО этого района, покончил с собой. Кроме того, пострадали рабочие концлагеря, в том числе поляки, которые ранее переправили в Лондон точные планы Пенемюнде. Всего погибло 213 заключенных: 91 поляк, 23 украинца, 17 французов и 82 узника неустановленной национальности. Это привело к тому, что серийный выпуск «ФАУ-2» был задержан примерно на полгода.

В первой половине 1944 года был произведен ряд вертикальных пусков ракет с несколько увеличенным (до 67 се-

кунд) временем горения топлива при высоте подъема 188 км. Последняя ракета «ФАУ-2» с заводским номером 4299 взлетела с полигона Пенемюнде 14 февраля 1945 года.

Тем временем конец войны неотвратимо приближался. Полигон Пенемюнде лежал прямо на пути наступления Советской армии с востока, беженцы из Восточной Пруссии заполнили все дороги. Разгром нацистской Германии был для всех очевиден, вопрос заключался только во времени. Перед лицом неизбежного конца фон Браун созвал специальное совещание своих самых доверенных сотрудников для обсуждения эвакуации. Фон Браун в качестве основной задачи поставил сохранение самой важной части результатов своих работ — он был воодушевлен тем, что после войны станет возможным воплощение первоначальной задачи его жизни, а именно космических исследований. Трезво рассмотрев ситуацию, фон Браун решил сдаться американцам, так как, по его мнению, только они могли сохранить все сделанное им и даже продвинуть дело его жизни.

Покидая Пенемюнде, сотрудники полигона постарались взорвать как можно больше ракетных установок, чтобы русским не досталось ничего. Сам же фон Браун в сопровождении бывшего шефа Дорнбергера подался на юг Германии, предусмотрительно подделав документы и тем самым обеспечив себе безопасность, проходя через колонны беженцев и многочисленные контрольно-пропускные пункты, установленные повсюду для отлавливания дезертиров. Они успешно добрались до Тюрингии, где в заброшенной шахте спрятали 14 тонн захваченной с собой документации. Это были бесценные материалы, собранные

*Генерал Фельгибель (слева)
пожимает руку генералу
Вальтеру Дорнбергеру (в центре)*

за более чем десятилетний период исследований и экспериментов. 4 апреля 1945 года фон Браун и его соратники добрались до удаленной лыжной базы в Баварии. Именно здесь фон Браун, Дорнбергер и многие их подчиненные, участвовавшие в ракетной программе Германии, сдались в конце концов американской армии. Расчет фон Брауна на американцев оказался верным — ЦРУ, узнав кто к ним попал в руки, живо им заинтересовалось. В идеале ЦРУ хотело вывезти в США всех, кто имел отношение к ракетному проекту, но полностью это осуществить у американцев не получилось — не дремали и советские спецслужбы.

* * *

Можно сказать, что с запуска трофейных, а позже модифицированных ракет «ФАУ-2» начались как американские, так и советские космические программы. Американцам повезло больше. Именно им достались «ФАУ-2» из подземного завода в Тюрингии. Но для США этого было мало. Сразу же после войны началась борьба за новые технологии с СССР, и уступить в этом смысле американцы считали немыслимым. Борьба за немецкие умы началась сразу же после капитуляции гитлеровской Германии, на оккупированной территории. Между США и СССР развернулась настоящая битва, и главными действующими ее лицами были разведчики.

Завод «Миттельверк», где заключенные концлагеря «Дора» изготавливали «ФАУ-2» для полигона в Пенемюнде, находился в горах Тюрингии. Завод располагался в тоннелях, полученных за счет взрывов твердых горных пород. Они тянулись на километры. Заключенные концлагеря работали в тяжелых условиях: от непосильного труда, голода и болезней там погибли за годы войны более 30 тысяч человек. Из них 5 тысяч человек были расстреляны перед наступлением американской армии.

Часть Тюрингии, где находился завод, была первоначально занята американцами, они же первыми из иностранцев и вошли в тоннели «Миттельверка». Там они обнаружили готовые к эксплуатации части ракет. Руководителем «Специальной миссии «ФАУ-2» был полковник Тофтой,

Ракеты «ФАУ-2» на секретном подземном заводе «Миттельверк»

который с самого начала поставил задачу максимально сохранить все компоненты, необходимые для сборки ракет, а потом подготовить их к транспортировке на кораблях в США. Серьезной проблемой стало то обстоятельство, что по Ялтинским соглашениям 1945 года вся Тюрингия должна была с 1 июня перейти под советский контроль. Американцы очень спешили, и заместитель Тофтоя майор Бромли нанял бывших пленных для эвакуации частей «ФАУ-2» из тоннелей. На нескольких грузовиках груз был доставлен в бельгийский Антверпен, где перегружен в деревянные ящики и погружен на корабли. Другой офицер из команды Тофтоя, майор Ставер, занялся поиском зарытой фон Брауном документации. Здесь тоже не обошлось без сложностей, но документы удалось обнаружить за пять дней до передачи территории советским войскам. Разумеется, они тут же были перевезены в американскую зону.

В Советском Союзе были осведомлены о существовании ракет «ФАУ-2», но к моменту завершения войны располагали лишь неполной картиной передовой ракетной технологии. Советские спецслужбы, так же как и американцы, отправили в Германию своих специалистов, цель

которых заключалась в охоте за технологическими трофеями нацистской Германии. В составе группы, возглавлявшейся генералом Николаем Петровым, был специалист по ракетным системам управления, наведения и связи Борис Черток из НИИ-1 Наркомата авиационной промышленности. Он прилетел в разрушенную войной Германию в конце апреля 1945 года.

В своих мемуарах Черток утверждает: «Советское руководство интересовалось прежде всего немецкими достижениями в области авиационных и ракетных двигателей. Что же касается самого ракетостроения, оно выглядело для военных инстанций скорее делом будущего, чем-то пока оторванным от практики». Впервые о «ФАУ-2» Черток узнал в 1944 году, когда Красная армия вошла в Польшу и были обнаружены остатки новой ракеты с покинутой испытательной базы. Именно тогда он начал убеждать свое руководство о важности сбора информации по этой теме, будучи пораженным тем, что немцы сумели создать мощный ракетный двигатель на жидком топливе, который мог превысить скорость звука и действовать как снаряд для бомбардировки целей союзников.

В Пенемюнде советским специалистам предстал только скелет полигона — немцы уничтожили все оборудование. Но оставались нетронутыми бункеры, дороги и тщательно разработанная сеть силовых и сигнальных кабелей. На упоминавшийся выше завод «Миттельверк» Черток попал в середине июня 1945 года и увидел, что американцы успешно вывезли самые ценные частично собранные «ФАУ-2» и огромное количество компонентов ракеты. Он посетил концлагерь Дора, в котором жили работавшие на конвейерных линиях «Миттельверке» пленные. Один бывший заключенный лагеря вызвал у Чертока восторг, предложив ему гироскоп с ракеты «ФАУ-2», который он спрятал и хранил много месяцев. Местный немецкий инженер сообщил Чертоку, что сборочные линии действовали до последних дней войны и производили 35 снарядов в день. Он сказал также, что американцы вывезли основную часть ракет, но полагал, что русские смогут раскопать кое-что среди оставшихся обломков и мусора и восстановить около 20 ракет. Черток вместе со своей командой поселился на принадле-

жавшей фон Брауну вилле Франк неподалеку от Бляйхроде. Его поразило богатство этого дома: большие комнаты, мраморная лестница и картины в золоченых рамах.

В работе над реконструкцией системы управления полетом «ФАУ-2» главной проблемой для советских спецслужб было отсутствие специалистов. Главные действующие лица немецкой ракетной программы в Пенемюнде (Дорнбергер и фон Браун) сдались американцам вместе с тоннами ценной документации. Советской стороне из высокопоставленных сотрудников команды фон Брауна достался лишь Гельмут Греттруп, руководивший лабораторией систем управления и телеметрии. Он не захотел присоединиться к бывшему шефу и сдаваться американцам, предпочтя в сентябре 1945 года перейти в организованный советскими спецслужбами институт РАБЕ в Бляйхроде. Он сделал этот выбор, в немалой степени руководствуясь материальными стимулами и перспективой остаться в Германии — именно это обещали ему советские спецслужбы. Кроме того, в этом институте стали работать специалист по аэродинамике Вернер Альбринг, инженер-конструктор Йозеф Бласс, специалист по управлению и наведению Йоханнес Хох, специалист по гироскопам Курт Магнус, химик по жидкому топливу Франц Матес.

Институт РАБЕ работал в атмосфере секретности — немецкие инженеры и ученые продолжали жить в своих квартирах, но ходили на работу под неусыпным присмотром НКВД. Однако близость зоны оккупации союзников создавала большие проблемы. Американцы не оставляли надежд переманить специалистов из советской оккупационной зоны. По свидетельству будущего председателя КГБ Ивана Серова, который в 1946 году был членом Специального комитета по реактивной технике при Совете министров СССР, одного из руководителей РАБЕ специалиста по фамилии Коерман пытались завербовать американцы, подсев в кафе. Однако Коерман не захотел работать с бывшими эсэсовцами под заокеанским патронатом и сообщил о попытке вербовки в НКВД.

Постоянный прессинг со стороны американской разведки вынудил советское руководство принять в октябре 1946 года решение о вывозе немецких ученых, их семей и оборудования секретных лабораторий в СССР. По разным